УДК 821.161.1.09

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И КУЛЬТУРНЫЕ МИФЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Курбонова Мухаббат Хожиевна

магистрант Азиатского международного университета

muxaw8510@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются национальные образы и культурные мифы в прозе В.О.Пелевина на материале шести произведений, опубликованных с 1992 по 2011 год. На основе мифопоэтического и имагологического анализа выделены 3 группы мифов (советские, национально-идеологические, геокультурные) и описан четырёхэтапный механизм их трансформации. Показано, что образ России складывается у Пелевина через соотнесение с Востоком и Западом, а разоблачение мифа сочетается с созданием авторского неомифа.

Ключевые слова. Пелевин, национальный образ, культурный миф, неомиф, имагология, советский миф, Восток и Запад, постмодернизм.

Введение

Проза Виктора Пелевина уже три десятилетия служит своеобразным сейсмографом постсоветского сознания. Каждый его роман прочитывается как диагноз времени. Само время охотно узнаёт себя в пелевинских гротескных зеркалах, хотя редко остаётся довольным увиденным. Заметное место в этой системе занимают национальные образы, иначе говоря устойчивые представления о «своём» и «чужом»

народе, стране, культуре. Рядом с ними живут культурные мифы, доставшиеся писателю от советской идеологии, от массовой культуры, от ориенталистской традиции.

Вопрос о том, как Пелевин обращается с этим материалом, до сих пор вызывает споры. Л.В.Сафронова связывала его постмодернистский проект прежде всего с демифологизацией советского и постсоветского общества [12, с. 228]. О.Ю.Осьмухина, напротив, пишет, что в пелевинской прозе очевидна «сознательная установка на мифотворчество» [7, с. 555]. На наш взгляд, обе позиции фиксируют разные стороны одного процесса. Разрушение мифа у Пелевина почти всегда оборачивается строительством нового.

Актуальность работы определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, имагология стала одним из самых востребованных направлений компаративистики, поскольку «национальные образы, идентичность и этнические стереотипы» принадлежат к наиболее острым межкультурным вопросам современности [11, с. 52]. Во-вторых, пелевинский корпус изучается главным образом в связи с буддийской философией, теорией симулякра и критикой медиа, тогда как его имагологическое измерение описано лишь фрагментарно. Для читателя в Узбекистане этот аспект особенно интересен. В предисловии к роману «Чапаев и Пустота», написанном от лица вымышленного публикатора, сказано, что «в русском фольклоре Чапаев является чем-то вроде знаменитого Ходжи Насреддина» [10, с. 8]. Герой гражданской войны неожиданно встаёт в один ряд с восточными фольклорными мудрецами.

Цель исследования состоит в выявлении типологии национальных образов и культурных мифов в прозе Пелевина с последующим описанием механизма их художественной трансформации. Достижение цели потребовало решить четыре задачи. Нужно было определить круг

исходных мифов; установить, какие национальные образы рождаются на их основе; описать приёмы переработки мифа; оценить функцию возникающего неомифа. Новизна работы заключается в том, что советские, национально-идеологические и геокультурные мифы рассматриваются как единая система, объединённая общим механизмом трансформации.

Методы

Материалом послужили шесть произведений, опубликованных с 1992 по 2011 год. Это романы «Омон Ра», «Чапаев и Пустота», «Generation «П»», «Священная книга оборотня», «S.N.U.F.F.» и сборник «Ананасная вода для прекрасной дамы». Отбор подчинялся одному критерию. В каждом из текстов национальный образ находится в центре сюжета, а не мелькает эпизодически. Цитаты из романов «Чапаев и Пустота» и «Generation «П»» приводятся по изданиям 2023 года [9; 10].

Методологическую основу составило сочетание нескольких подходов. Мифопоэтический анализ позволил реконструировать исходный миф и проследить его превращения. Имагологический подход, сложившийся во французской компаративистике и обновлённый в работах Й.Леерссена [11, с. 52], понадобился для описания образа «чужого» через портрет, ономастику, топос и речь персонажа. Интертекстуальный анализ выявлял претексты, от повести Д.А.Фурманова до китайских преданий о лисах. Сравнительно-типологический метод дал возможность свести наблюдения в общую таблицу.

Анализ проводился в четыре шага. Сначала в тексте фиксировались персонажи, топосы и предметы, наделённые национальной характеристикой. Затем для каждого из них устанавливался

мифологический источник. Третий шаг состоял в определении приёма трансформации. На последнем этапе результаты обобщались в виде модели (рис. 1).

Результаты

Анализ позволил выделить три группы культурных мифов. Распределение национальных образов по этим группам отражено в таблице 1.

Таблица 1. Национальные образы и культурные мифы в прозе В.Пелевина

Произведение, год	Национальный образ	Исходный миф	Приём трансформации
«Омон Ра», 1992	советский космонавт как герой-жертва	миф о покорении космоса, египетский культ Ра	буквализация подвига, муляж полёта
«Чапаев и Пустота», 1996	Чапаев как восточный мудрец	миф о красном комдиве, анекдоты о Чапаеве, буддизм	перенос героя во Внутреннюю Монголию

«Generation „П“», 1999	«поколение П», «русская идея»	миф о национальной идее, вавилонский культ Иштар	превращение национального в рекламный продукт
«Священная книга оборотня», 2004	лиса А Хули, волк в погонах	китайские предания о лисах, сказка о Крошечке-Хаврошечке, миф о Фенрире	ритуализация сырьевой экономики
«Ананасная вода для прекрасной дамы», 2010	бог на службе спецслужб	религиозный миф о духовности общества	снижение сакрального до политтехнологии
«S.N.U.F.F.», 2011	Уркаина и Бизантиум	миф о противостоянии России и Запада	антиутопическая симметрия двух миров

Советский миф. Первую группу образуют мифы советской эпохи. В «Омоне Ра» писатель берёт самый светлый сюжет позднесоветской культуры, освоение космоса. Роман посвящён «Героям Советского Космоса», однако за героическим фасадом скрывается подземный муляж полёта. Курсанты ценой собственной жизни исполняют роль автоматики, которой у ракеты попросту нет. По наблюдению Й.Дохнала и А.Абагановой, здесь «место архаичного мифа занимает советский миф» [3, с. 166]. Египетское имя Ра в заглавии подсказывает, что солярный культ никуда не исчез и лишь сменил жрецов. М.Д.Андрианова

формулирует итог ещё жёстче. «Ресайклинг советского мифа об освоении космоса деконструирует не только сам миф, но и сам принцип» [1, с. 3631].

Ту же операцию Пелевин проделывает с Чапаевым. Красный комдив, знакомый по книге Д.А.Фурманова и фильму братьев Васильевых, становится буддийским учителем, а гражданская война переплетается с бредом пациента московской психиатрической клиники девяностых годов. Предисловие объявляет роман первой попыткой художественно отразить древний монгольский миф о Вечном Невозвращении [10, с. 8]. Советский фольклорный герой получает, таким образом, восточную генеалогию. Андрианова называет подобный приём вторичной мифологизацией героев и событий, мифологизированных ещё в советское время [1, с. 3628].

«Русская идея» как товар. Вторая группа связана с мифом о национальной идее. Роман «Generation «П»» открывается сказочным зачином «Когда-то в России и правда жило беспечальное юное поколение» [9, с. 6]. Рассказчик тут же сообщает, что это поколение выбрало «Пепси». Недавнее прошлое с первой строки переведено в мифологическое время. Дальше национальное становится товаром. Вавилен Татарский, бывший студент Литературного института, превращается в копирайтера и приспосабливает западные бренды к российскому рынку. Л.В.Сафронова приводит показательный пример из его концепций, где требуется придумать «персонажа наподобие Рональда Макдональда, только глубоко национального по духу» [12, с. 232]. Для рекламы «Спрайта» герой предлагает ввести элементы ложнославянского стиля [12, с. 233]. Национальный образ конструируется технологически, по заказу клиента.

Кульминацией линии становится эпизод, в котором бандит Вовчик Малой заказывает Татарскому «русскую идею» объёмом в несколько страниц с короткой версией на одну страницу. Миф о национальной идее, питавший русскую мысль от славянофилов до постсоветских дискуссий, снижен до уровня рекламного брифа. Первая попытка героя сочинить такой текст заканчивается провалом. Сквозь рекламный сюжет при этом просвечивает архаический вавилонский пласт с культом Иштар, на смешение дискурсов в котором указывал И.В.Силантьев [13]. М.Липовецкий, сопоставляя роман с «Голубым салом» В.Сорокина, увидел в двух книгах два мифа об одном кризисе [5].

Восток и Запад. Третью группу составляют геокультурные мифы. Рассказчицей «Священной книги оборотня» становится лиса А Хули, оборотень двухтысячелетнего возраста, пришедшая в Москву из китайских преданий. Её возлюбленный Александр Серый служит генерал-лейтенантом ФСБ и оборачивается волком. О.Ю.Осьмухина и А.А.Сипрова показывают, как Пелевин соединяет китайские легенды о лисах с северогерманскими образами пса Гарма и волка Фенрира [8, с. 26]. В результате в романе возникает «образ пса П…ца как сторожа России» [8, с. 29]. Ключевая сцена книги разворачивается в северном Нефтеперегоньевске. Оборотни в погонах воют над черепом Пёстрой коровы из сказки о Крошечке-Хаврошечке, после чего из иссякшей скважины снова идёт нефть. Сырьевая экономика превращается в шаманский ритуал, народная сказка становится метафорой национальной судьбы.

Образ Китая при этом лишён привычной экзотики. «Восприятие Китая стереотипно, что приводит к формированию устойчивых образов», замечает М.Н.Крылова [4, с. 227]. Пелевинская лиса этот стереотип

переворачивает, оказываясь мудрее и человечнее окружающих её москвичей.

В «S.N.U.F.F.» геокультурная оппозиция доведена до антиутопической схемы. Над землёй парит технологический Византиум, внизу лежит Уркаина, населённая орками. В официальном имени страны, Уркаинский Уркаганат, слышатся одновременно Украина, блатное «урка» и тюркский «каганат». М.Д.Андрианова описывает Уркаину как тоталитарное государство со спивающимся населением, а Византиум как силу, по чьим сценариям разыгрываются местные войны и революции [2, с. 121]. Книга, по её оценке, становится сатирой «на современную Россию и, одновременно, на современный Запад» [2, с. 121]. А.М.Лобин рассматривает эту симметрию сквозь призму авторской концепции истории [6]. Сборник «Ананасная вода для прекрасной дамы» переносит ту же логику на религиозный миф. По наблюдению О. Ю. Осьмухиной, писатель дискредитирует представление о религии как источнике общественной духовности [7, с. 556].

Обобщение материала выводит на механизм, общий для всех трёх групп. Он представлен на рисунке 1.

Рисунок 1. Механизм трансформации культурного мифа в прозе В.Пелевина

Обсуждение

Полученные данные уточняют давний спор о демифологизации и мифотворчестве у Пелевина. Писатель действительно разоблачает советские и постсоветские мифы, однако на освободившемся месте сразу вырастает авторский неомиф. Внутренняя Монголия, Пёстрая корова, Бизантиум работают как полноценные мифологемы с собственной логикой. К близкому выводу приходят А.Г.Сильчева и Е.В.Шерчалова. «Автор обращается к мифу как к инструменту при создании художественного произведения» [14, с. 3177]. Наши наблюдения расширяют эту мысль. Инструмент применяется не только к архаическим топосам вроде леса, горы или реки, но и к сугубо современным национальным представлениям.

Второй существенный момент касается авторской оценки. М.Д.Андрианова показала, что отношение Пелевина к советскому

колеблется от иронии до ностальгии [1, с. 3628]. Саму ностальгию исследовательница понимает прежде всего как тоску по мифологическому сознанию [1, с. 3632]. Сцена с Пёстрой коровой хорошо иллюстрирует эту двойственность. Вой оборотня звучит пародийно, но в нём слышна подлинная печаль о стране, живущей за счёт недр. Сходным образом О.Ю.Осьмухина подчёркивает амбивалентность пелевинских мифов, вплетённых в повседневность [7, с. 558].

Третий вывод относится к структуре национального образа. Россия у Пелевина почти никогда не описывается изнутри, через собственные черты. Её контуры проступают в отражениях, будь то китайская лиса, монгольская мистика, американская газировка или парящий над орками Византиум. Чжэн Сяотин объясняет восточный поворот писателя разочарованием как в славянской православной традиции, так и в западной либеральной демократии [15, с. 62]. В подобной позиции автор статьи видит «трансцендентный взгляд на дебаты между славянофилами и западниками» [15, с. 67]. Добавим, что этот взгляд остаётся ироническим. Пелевин не предлагает третьего пути. Он показывает, как любая национальная идея, будь она славянофильской, западнической или евразийской, превращается в товар, сценарий или ритуал.

Исследование ограничено произведениями, вышедшими до 2011 года включительно. Поздние романы, вплоть до «Крути», требуют отдельного рассмотрения, как и рецепция пелевинских национальных образов узбекским читателем, в том числе через переводы.

Заключение

Итоги анализа сводятся к четырём выводам. Национальные образы в прозе Пелевина вырастают из трёх групп культурных мифов, а именно советских, национально-идеологических и геокультурных.

Трансформация мифа проходит четыре стадии, ведущие от исходного мифа через деконструкцию и ресайклинг к авторскому неомифу, который затем сам становится материалом новой игры. Образ России складывается в соотнесении с Востоком и Западом, причём обе внешние проекции изображены с одинаковой иронией. Наконец, разоблачение мифа и мифотворчество у Пелевина не противоречат друг другу. Вместе они образуют единый механизм, позволяющий писателю критиковать национальные стереотипы, сохраняя их художественную энергию.

Список литературы

1. Андрианова, М. Д. Ресайклинг советского в прозе Виктора Пелевина / М.Д.Андрианова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 12. С. 3628-3633.

2. Андрианова, М. Д. Эксперименты с жанром утопии в творчестве В.Пелевина / М.Д.Андрианова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 4. С. 119-126.

3. Дохнал, Й. Миф, мировое время и модели пространства в постмодернистских произведениях В.Пелевина / Й.Дохнал, А.Абаганова // Porównania. 2018. № 2 (23). С. 151-172.

4. Крылова, М. Н. Символика Китая в современной русской литературе / М.Н.Крылова // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 227-235.

5. Липовецкий, М. Голубое сало поколения, или Два мифа об одном кризисе / М.Липовецкий // Знамя. 1999. № 11. С. 207-215.

6. Лобин, А. М. Роман-утопія В.Пелевина «S.N.U.F.F.»: проблема жанра и концепция истории / А.М.Лобин // Известия Саратовского

университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 91-97.

7. Осьмухина, О. Ю. Мифопоэтический контекст книги В.О.Пелевина «Ананасная вода для прекрасной дамы» / О.Ю.Осьмухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19, вып. 2. С. 554-559.

8. Осьмухина, О. Ю. Мифопоэтический контекст романа В.Пелевина «Священная книга оборотня» / О.Ю.Осьмухина, А.А.Сипрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77), ч. 2. С. 26-30.

9. Пелевин, В. О. Generation «П»: роман / В.О.Пелевин. Москва: АСТ, 2023. 320 с.

10. Пелевин, В. О. Чапаев и Пустота: роман / В.О.Пелевин. Москва: АСТ, 2023. 384 с.

11. Рябчикова, Е. Е. Имагология как раздел литературоведческой компаративистики / Е.Е.Рябчикова // Слово.ру: Балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 2. С. 52-59.

12. Сафронова, Л. В. Мифодизайнерский комментарий к текстам Пелевина / Л.В.Сафронова // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 227-237.

13. Силантьев, И. В. Риторика дискурсных смешений в романе В.Пелевина «Generation «П»» / И.В.Силантьев // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8. С. 239-257.

14. Сильчева, А. Г. Мифологический топос в романах В.Пелевина / А.Г.Сильчева, Е.В.Шерчалова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 10. С. 3174-3178.

15. Чжэн Сяотин. Виктор Пелевин и восточный постмодернизм / Чжэн Сяотин // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 1 (45). С. 58-69.